

В тот вечер он встретился со Сьюзен в оранжерее, что стало обычным делом в последнее время. Он наблюдал за тем, как она сажает в горшок редкое растение, ее губы слегка растянулись в сосредоточенности, а между глаз пролегла небольшая хмурая морщинка, и он не мог не улыбнуться.

Когда Сьюзен закончила, она подняла голову и поймала его взгляд.

"Что?" спросила она, застенчиво откидывая волосы назад.

"Ничего", - ответил Тео, тепло улыбнувшись и взяв ее за руку, - "Ты просто красивая, вот и все".

Сьюзен подняла бровь: "Лестью ты ничего не добьешься".

"Я знаю", - усмехнулся Тео, отводя от нее взгляд, - "Если честно, именно поэтому ты мне и нравишься".

Сьюзан тепло улыбнулась ему в ответ и взяла его за руку. Она сделала шаг к нему и слегка, неуверенно поцеловала его в губы. Тео мягко ответил на поцелуй, не углубляя его, боясь спугнуть ее.

Отстранившись, Сьюзен призналась: "Ты мне тоже нравишься", - и потянула его за руку, увлекая за собой из оранжереи в маленький секретный садик, ставший их любимым местом для совместного курения. По правде говоря, ему было немного жаль, что он приучил ее к этой привычке, но он также считал ее чертовски сексуальной, когда она выпускала колечко дыма и ухмылялась ему.

Поэтому он позволил ей утащить себя, и на какой-то безумный миг ему показалось, что он позволил бы ей утащить себя куда угодно.

Все изменилось через две недели после начала учебного года, когда Тео получил два письма из дома - первое было от мачехи, и в нем рассказывалось о том, что Лейси провела неделю с бабушкой и дедушкой в Италии, пока Сальвадора выздоравливала после тяжелого желудочного гриппа.

Кровь Тео закипела. Он знал, что это была вовсе не болезнь, а очередной приступ жестокости со стороны отца.

Однако второе письмо было самым ужасным. Оно было от отца, который срочно просил его приехать. В письме он сообщал Тео, что будет ждать его у ворот с каретой в восемь вечера того же дня. Тео сунул письмо в карман и поспешил из зала, понимая, что более проницательные из его друзей с тревогой смотрят ему вслед.

Он добежал до ближайшей уборной, и его вырвало, он крепко ухватился за край унитаза и тяжело дышал.

Сегодня была та самая ночь. Это должно было случиться, момент, которого он боялся с тех пор, как Волдеморт вернулся в конце четвертого курса.

Он станет Пожирателем смерти.

Альфред почти не разговаривал с Тео, когда тот вышел на улицы Хогсмиды. Он просто открыл дверцу кареты и сказал: "Заходи".

Тео зашел внутрь и закрыл за собой дверь. Карета унеслась в небо, и Тео привстал.

"Сегодня ты примешь метку, - сказал Альфред, сверля сыновей взглядом, - и если ты не сможешь пройти ритуал, я избавлюсь от тебя сам".

Тео знал, что он не блефует.

"А что, если я не захочу присоединиться к нему?" дерзко спросил Тео.

Альфред бросил на сына взгляд: "Тогда я вышвырну тебя из этой чертовой кареты прямо сейчас".

Тео также знал, что он не блефует, поэтому замолчал. Ему снова стало плохо, и это никак не было связано с подъемом кареты. Но он не мог вырвать при отце: это было бы еще одним проявлением слабости, из-за которого старший мужчина возненавидел бы его еще больше.

По правде говоря, Тео не мог припомнить случая, чтобы отец его не ненавидел. Ему казалось, что он всю жизнь его подводил. Ему казалось, что все, что он делает, недостаточно хорошо для него.

Они замолчали, пока карета летела сквозь ночь в сторону, как ему казалось, поместья Ноттов. Только когда карета проехала над крышей Нотт-Мэнора и начала спускаться, он понял, что они приземлились не в Нотт-Мэноре, а в соседнем Малфой-Мэноре.

"Почему здесь?" спросил Тео, испуганно глядя на отца.

Альфред закатил глаза и вышел из кареты: "Потому что это база Темных Лордов, дурак. Пойдем".

Тео вышел вслед за ним и почувствовал, как в нем снова поднимается тошнота. Он сглотнул и постарался взять себя в руки - неудивительно, что Драко сбежал и так отчаянно хотел провести лето, спрятавшись в поместье Ноттов. Лорд Волдеморт превратил его дом в свою кровавую базу.

Они шли по главной дорожке, усаженной павлинами и живыми изгородями, и Тео тяжело сглотнул. Он никогда раньше не встречался с Волдемортом, и, судя по тому, что он знал о нем, этой встречи он не ждал. Альфред произнес пароль на двери, и она открылась, ведя в большой, гулкий вестибюль.

Тео остался позади отца. Звук металлических шпор на его сапогах, ударяющихся о мраморный пол, эхом разносился по залу. Они прошли в столовую, которая была пуста, кроме одного места у камина.

Тео не позволил страху проявиться, когда увидел этого человека. Он смотрел на Тео алыми глазами, которые, казалось, видели его душу. Он поднял лицо, словно приносясь к воздуху - как будто учуял страх Тео.

У его ног свернулась огромная змея, которую он гладил по голове, словно это был кролик, а не злобный зверь, способный убить одним укусом.

"А, юный Теодор, - сказал Волдеморт, его голос был низким и ровным, - твой отец сообщил мне, что ты готов присоединиться к нам".

Тео кивнул.

Волдеморт наклонил голову к Тео и поднял один длинный костлявый палец. Он жестом велел Тео подойти ближе, и Тео, вздохнув, сделал это. Он сделал несколько осторожных шагов, но Волдеморт снова скомандовал: "Ближе".

Тео сделал несколько последних шагов, пока не оказался прямо перед Волдемортом.

Старший мужчина протянул руку и взял Тео за запястье, и Тео вздрогнул.

"Ты боишься меня, - сказал Волдеморт, выглядя довольным, - это хороший знак. Если сыновья моих собственных последователей боятся меня, то я могу только представить, что чувствуют мои враги".

Тео застыл от страха, если он был честен.

Волдеморт толкнул Тео в рукав, и Тео шумно вдохнул. Он знал, что произойдет дальше. Он ожидал, что Волдеморт выхватит свою палочку, но этого не произошло. Вместо этого он вдавил один длинный ноготь в кожу на предплечье Тео и прорвал ее, заставив Тео вздрогнуть от боли.

Волдеморт жестоко рассмеялся - звук был высоким, и, когда он эхом разнесся по комнате, Тео решил, что этот звук будет преследовать его во снах до конца жизни.

Старший мужчина произнес заклинание на латыни, и в руке Тео началась самая сильная боль, которую он когда-либо испытывал. Казалось, что его плоть горит изнутри, начиная с того места, где ноготь Волдеморта впился в кожу.

Он считал, что у него довольно хороший болевой порог. Ведь он годами терпел издевательства - как магические, так и физические - от своего отца. Но эта боль была ни на что не похожа: она была хуже, чем проклятие крестокрыла, хуже, чем тысяча порезов, нанесенных ему одновременно. Тео упал на колени и закричал от боли. Его глаза наполнились слезами, и он умолял прекратить это.

Через несколько минут, которые показались ему целой вечностью, это случилось.

Волдеморт отпустил его руку, и он упал на пол на руки и колени, его дыхание было редким и редким.

"Он слаб, Альфред, - заметил Волдеморт, - теперь я понимаю, почему ты вызвался использовать его только в качестве страховки".

Тео не понимал, что это значит, но прислушивался к разговору, как мог, сквозь колотящееся сердце.

"В любом случае, если Драко не справится с заданием, мы используем мальчика, - продолжил Волдеморт, - если он, конечно, сможет завершить ритуал".

"Сможет", - сказал Альфред, и в его голосе не было гордости. Это была угроза, и Тео знал это.

"Хорошо, - тихо сказал Волдеморт, - у меня есть дела. Оставь меня".

"Да, мой господин", - сказал Альфред. Он схватил Тео за шиворот мантии и потащил его к ногам. Схватив его за хорошую руку, он выдернул сына из комнаты и повел обратно к карете.

Альфред практически швырнул Тео в нее и сказал: "Убей маггла до конца ночи, или ты снова соединишься с матерью".

Тео бросил на него взгляд: "Я скорее умру, чем присоединюсь к вам", - проворчал он.

Альфред сделал шаг назад и поднял бровь: "Я забыл упомянуть о своей страховке, Теодор? Убей маггла до конца ночи, или ты увидишь свою мать раньше, чем хотел бы, а твоя сестра присоединится к тебе вскоре после этого".

"Ты - гребаное чудовище", - сказал Тео, его ненависть к этому человеку была сильнее, чем все, что он когда-либо чувствовал.

Альфред невесело усмехнулся: "Тебе всегда нужна была мотивация, чтобы довести дело до конца. Теперь мы на одной волне?"

Тео сердито захлопнул дверцу кареты и ответил: "Да".

"Пришли мне доказательства", - отрывисто сказал Альфред, - "И я узнаю, если ты солжешь - метка не будет снята, если ты не завершишь ритуал".

"Я знаю", - сказал Тео и топнул ногой по полу кареты, чтобы она взлетела.

Оставив отца в пыли позади себя, Тео опустил голову на руки, и слезы полились быстро и густо. Два часа на то, чтобы убить магла, или его младшую сестру убьют за его неудачи. Лейси была единственным человеком, которого он еще не подводил, и он цеплялся за это каждый день. Он не мог подвести ее, как подвел всех остальных.

Он прислонился головой к мягкому сиденью и посмотрел на сырой, злой след на коже. Место укола, к которому прикоснулся Волдеморт, все еще кровоточило, и от этого воспоминания ему стало плохо. Он открыл окно кареты и высунул голову наружу, выплевывая ограниченное содержимое желудка и вдыхая свежий воздух, словно это был чистый кислород.

Если он не завершит ритуал, метка отравит его и медленно убьет. Но отец все равно доберется до него первым, он был уверен.

"Джери - отвези меня в ближайшую магловскую больницу".

Эльф, управляющий каретой, согласился. Они приземлились в местном парке, на карету были наложены те же чары, что и на рыцарский автобус, разумеется, для того, чтобы их не заметили. Тео выбрался наружу, разочаровался и пробрался в больницу. Он отправился в палату интенсивной терапии и незаметно пробрался туда, читая записки у каждой кровати.

Наконец он нашел то, что искал.

Тео огляделся, чтобы убедиться, что в палате никого нет. Он положил камень на грудь мужчины и прошептал: "Портус".

Камень превратился в портключ и унес маггла в карету Тео. Тео исчез в толпе и побежал через больницу к карете, припаркованной неподалеку. Забравшись в карету, он приставил палочку к груди бессознательного мужчины и застыл на месте.

"Кор Субсисто".

Сердце мужчины остановилось, и Тео ударил ногой по полу кареты, чтобы она снова взлетела.

Они взмыли в небо, и Тео посмотрел на бедного неизвестного: "Джери, отвези меня обратно в Хогвартс, но по пути пролети над поместьем Нотт".

Эльф задал курс, и Тео снова поднял палочку, его голос дрожал, когда он пронзил палочкой воздух и сказал: "Диффиндо!"

Голова мужчины оторвалась от плеч, и Тео застонал, когда тело исчезло в глубинах Северного моря.

Когда карета пролетела над поместьем Нотт, Тео бросил голову на землю, приложив к ней записку с тремя словами.

"Пошел ты, отец".